

На правах рукописи

ЗАГИДУЛЛИНА Марина Викторовна

КЛАССИЧЕСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИСТОРИКО-
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
(ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА В РЕЦЕПТИВНОМ АСПЕКТЕ)

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2002

Работа выполнена на кафедре русской литературы Уральского государственного университета им. А. М. Горького и на кафедре русской и зарубежной литературы Челябинского государственного университета

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор

Г. К. Щенников

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор

Л. П. Быков

доктор филологических наук, профессор

В. А. Викторович

доктор филологических наук, профессор

Ю. Б. Орлицкий

Ведущая организация: Самарский государственный университет

Защита состоится _14 мая_2002 г. в_11_часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан 11 апреля 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

Актуальность проблемы

Согласно данным многочисленных исследований разного времени и в разных странах, “удельный вес обращения к “хорошей” или “классической” литературе в общем объеме чтения крайне невелик”¹. Роль литературной классики в жизни современного общества эпохи масс-медиа представляется обычно редуцированной до предела, фактически нивелированной. Между тем классика остается незыблемой частью культурной матрицы², выполняя ряд специфических функций, которые не могут быть делегированы другим культурным институтам. Условно классическую литературу можно представить в виде совокупности литературных феноменов, составляющих литературный пантеон. При этом важен процесс самого превращения текстов и фактов биографий их авторов в феномены – то есть их искажение и редукция в ходе восприятия, другими словами, конечный результат рецепции на определенном этапе функционирования. Особую роль в каждой национальной культуре играет центральный литературный феномен, выполняющий функции “сердца канона”. Исследование этих функций позволяет постичь сами механизмы признания ценности классических образцов в национальном масштабе. Таким “сердцем” всего русского литературного пантеона является феномен творчества и биографии А. С. Пушкина. Двухсотлетний юбилей поэта продемонстрировал как незыблемость пушкинского авторитета в новой политической и социокультурной ситуации, так и ряд трансформаций привычных манифестаций признания этого авторитета, а также позволил делать выводы о реальном месте пушкинского феномена и всей классической русской литературы в семантической сети культуры³. Конструирование адекватной научной перспективы в области литературоведческих историко-функциональных исследований и их прикладного аспекта и обусловило выбор темы, обстоятельный анализ которой открывает пути к построению научно обоснованной стратегии деятельности различных институтов, связанных с русским классическим литературным наследием и ответственных за поддержку этой части национальной ценностно значимой информации в российском интеллектуальном пространстве.

Степень разработанности проблемы

Понятие классического литературного феномена тесно связано с понятием “литературная классика”. Сама проблема “классика и современность” имеет длительную историю. Основное значение слова “классическое” – относящееся к античной эпохе. Остальные значения – следствия первого (классическое как образцовое и как изучаемое в школе, то есть классах). История самого понятия в западной цивилизации показывает, что само определение “классическое” несет важную нагрузку, которую скорее можно назвать идеологической, нежели эстетической. В то же время попытки дать исчерпывающее определение понятию так и не привели к желаемому результату. В теоретических исследованиях, посвященных классике, наблюдается несогласованность и противоречивость толкований ключевого понятия. Очевидно, что классические произведения составляют ряд, открытый как в прошлое (возможность включения незаслуженно вычеркнутых из истории литературы имен и произведений), так и в будущее (каждое значительное современное произведение может со временем оказаться в классическом ряду). Этот ряд получил название “литературного пантеона”. В литературоведении пока нет обстоятельного исследования, поставившего своей целью анализ как процесса формирования русского литературного пантеона, так и самого его содержания, хотя отдельные подступы к теме и соответствующий эмпирический задел

¹ Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Нов. лит. обозрение, 1994. С. 75.

² Устин А. К. Дейктическая концепция текста, мышления и культуры. Автореферат дис...-ра культурологич. наук. СПб.: РГПУ им. А. Герцена, 1998. С. 5.

³ Согласно представлениям когнитивной науки, культура – сеть значимых отношений между идеями. См.: Lumsden C.J. Does Culture Need Genes? // *Ethology and Sociobiology*. 1989. N 10. P. 11–28.

имеются¹. Это значительно осложняло нашу работу, цель которой касалась проблемы функционирования классики в современном обществе. Б. Дубин в 1993 году отметил, что сам вопрос о “возведении” классического пантеона до сих пор остается открытым: “Какие группы, какими средствами его строят? Возможна ли без него, вместе с тем, сама структура литературы как единого социального института, как культурной системы?”² Сборник статей “Литературный пантеон”³ является лишь первой ступенькой к ответам на эти вопросы, сам жанр “сборника статей” (а не коллективной монографии) мешает его авторам выйти на новый уровень обобщения.

Отсутствие полноценной истории русского литературного пантеона в отечественном литературоведении может объясняться зыбкостью и проницаемостью самих его границ, что осложняет аналитический подход ко всем явлениям “канонизации” отдельных произведений. Однако в задачи нашего исследования не входит решение проблем, связанных с условиями и динамикой формирования русского классического пантеона, это задача будущих трудов. Важнейшей задачей стал анализ рецепции классики и ее современного функционирования, что потребовало разработки самого подхода к этой проблеме, который соединил бы в себе методы разных наук. Главным материалом, положенным в основу этого исследования, является такой классический литературный феномен, как Пушкин.

Уникальность пушкинского статуса в российской жизни признается давно. Впервые в этом ключе высказывались еще современники Пушкина (например, Гоголь); принципиальное обобщение идеологические толкования роли Пушкина получили в речи Достоевского на открытии памятника поэту в Москве (1880 год). Вслед за этим в литературоведении идеи Достоевского подверглись несчетному повторению, трансформации и полемическому переосмыслению (особенно в эмигрантской мысли XX века). Исключительный интерес к значению Пушкина вызвал юбилейный 1999 год, когда появилось множество публикаций по этому вопросу.

К этому времени понятие “пушкинский миф” в значении “литературный феномен” вполне утвердилось в литературоведческой науке. Появились обстоятельные работы по истории пушкинского мифа⁴. Однако попытка обобщить полученные результаты и выйти на уровень внеэпохального анализа описываемых явлений в этих работах недостаточно успешна. Таким образом, проблема функционирования классических литературных феноменов вообще и пушкинского феномена в частности в современную эпоху в науке принципиально не разработана⁵.

Наиболее исследованной частью проблемы можно считать процессы влияния классических текстов на литературный процесс и выявление механизмов “обслуживания” классического наследия со стороны соответствующих идеологических институтов –

¹ Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990; Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Изд-во МПИ, 1991 и др.

² Дубин Б. Чтение и общество в России // Новый мир. 1993. № 3. С. 243.

³ Литературный пантеон: национальный и зарубежный: Материалы российско-французского коллоквиума. М.: Наследие, 1999.

⁴ Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990 (работа написана в 1927 году); Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983. С. 5–186; Высочина Е. И. Образ, бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколений: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 239 с.; Муравьева О. С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Акад. проект, 1994. С. 109–128; Dębreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford University Press. Stanford, California, 1997.

⁵ С. Г. Бочаров обозначил выражением “пушкинский миф” явление “национальной пушкинской герменевтики”, некую творческую интуицию, масштабно развернувшуюся в XX веке и противостоящую профессиональному изучению. Ядро пушкинского мифа – “мгновенная исключительность” Пушкина, выводящая его из историко-литературного ряда. См.: Бочаров С. Г. “Заклинатель и властелин многообразных стихий” // А. С. Пушкин: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, комм. Г. Е. Потаповой. СПб.: РХГИ, 2000. С. 572. Здесь наблюдается сужение самого понятия и объяснение его при помощи оппозиции “научное” – “творческое”.

критики и литературоведения, которые оказываются носителями дистанцированного пиетета перед “примером” и “образцом”¹. Самым слабым звеном в современных исследованиях проблемы является вопрос о функционировании классических литературных феноменов в массовом (среднестатистическом) сознании как наименее уловимой и сложной для анализа части общей культурной матрицы. Историко-функциональный аспект существования классики требует новых подходов, нежели те, что сложились в рамках традиционной разработки самого историко-функционального метода. Этим во многом и определяется постановка проблемы, заявленной в теме работы. В науке о литературе как социальном институте еще в середине 90-х годов был выдвинут тезис о неоправданности центрального положения классической литературы в деятельности таких важнейших институтов ее социализации, как литературоведение и критика (и опосредованно – образование): “Выводы социологических наблюдений над тем, что большие организации работают на самих себя, уделяя большую часть средств и усилий на самовоспроизведение, в известном смысле могут быть отнесены и к “высокой” литературе и ее институтам, фиксирующим наиболее существенные механизмы и темы культуры. И это кажется тем более странным, что в реальном чтении, то есть в общем объеме прочитанного широкой аудиторией за определенную единицу времени, высокая, традиционная и авангардная, элитарная литература составляет несравнимо малую часть”². Это обусловило перенос внимания на ранее маргинальные жанры, маркированные как “низкие” и “тривиальные”; классика же объявляется “мумифицированной”. Между тем, несмотря на ряд профессиональных опросов населения социологами литературы, ни сама постановка вопросов в этих анкетах, ни интерпретация данных не позволяют судить о реальном месте классических произведений в современном культурном пространстве, особенно в массовом сознании – как в сущностном, так и в среднестатистическом аспектах.

В силу вышеизложенного в работе основной упор сделан на подробное научно-теоретическое обоснование всех элементов, составляющих проблему, и как следствие на выработку логичной, непротиворечивой и отвечающей сегодняшнему уровню развития науки концепции функционирования классических литературных феноменов в современной культуре на уровне среднестатистического сознания. Историко-функциональный характер проблемы потребовал широкого привлечения разнообразного материала.

Предмет и объект. Объектом исследования является русская литературная классика в целом и творчество Пушкина как одна из ее составляющих. Предмет исследования – парадигма внедренности классической литературы в структуру культуры (прежде всего на самом малоизученном уровне – среднестатистического сознания). Тема исследования может рассматриваться как результирующая конфликтного напряжения между объектом и предметом, поскольку современный момент отличается нивелированием конвенциональных типов литературы, к которым относится литературная классика. Таким образом, возникает проблема объективного описания реального функционирования классических литературных феноменов в современную эпоху.

Основная цель исследования: описать характер функционирования классических литературных феноменов общенационального масштаба (акцент сделать на изучении и анализе современной рецепции фактов жизни и творчества А. С. Пушкина) в конце XX – начале XXI веков в измененной социокультурной ситуации. Эта цель определяет **задачи** работы:

- 1) выявить ряд закономерностей формирования русского литературного пантеона;
- 2) выявить функции классических литературных феноменов в современном обществе;

¹ См. обстоятельный анализ конституирования классической литературы в качестве субститута культуры как последовательного и целенаправленного процесса в книге “Литература как социальный институт” Л. Гудкова и Б. Дубина (Указ. соч. С. 16–98).

² Там же. С. 69–70.

- 3) определить и описать виды легитимации Пушкина как центрального литературного феномена;
- 4) рассмотреть основные интегративные функции классики на примере пушкинского мифа;
- 5) описать парадигму функционирования классической литературы в новой социокультурной ситуации.

Методология исследования. Современное российское литературоведение переживает серьезный кризис, связанный прежде всего со сломом марксистско-ленинской идеологической парадигмы, которая оказывала несомненное влияние на все гуманитарные науки. Методологическая “растерянность” последних лет компенсируется активным обращением к западным литературоведческим школам. В связи с достаточно долгим периодом запрета такого обращения этот процесс оказывается сложным и противоречивым. Те стадии, какие западноевропейская литературоведческая мысль проходила постепенно, в процессе освоения изживая определенные недостатки разных “техник” исследования текста и открывая новые пути, российское литературоведение подвергло компрессии и концентрации. Именно поэтому в современном российском научном пространстве сейчас соседствуют исследовательские методы разных школ – как уже фактически исчерпавшие себя в мировом литературоведении, так и актуальные.

В этой сложной научно-исследовательской ситуации представляется вполне закономерным обращение к методологическому синтезу, активно практикуемое сейчас особенно американскими литературоведами¹. В диссертационном исследовании используются методы таких научных дисциплин, как литературоведение (специфические литературоведческие подходы к литературе, выработанные в рамках рецептивной эстетики, герменевтики, историко-функционального изучения литературы и др.), антропология (разделы, связанные с подсознательной жизнью индивидуума), социология (как теория общества и как эмпирические методы массовых опросов и интерпретации полученных данных), культурология (наука о едином культурном пространстве и его отдельных составляющих), психология (прежде всего, психология чтения и восприятия), биология (востребованная в плане теории геннокультурной коэволюции), лингвистика (в первую очередь психолингвистика, а также когнитивная лингвистика и теория языковой картины мира), кроме того, философия, задействованная в основном в плане эпистемологии и феноменологии. Синтез этих методов позволяет выйти на принципиально новый уровень функционального анализа классических литературных текстов в общекультурном поле нации.

Теоретическая база исследования.

Начиная с Аристотеля, вопрос о воздействии художественных произведений на человека и соответственно о восприятии культурных артефактов реципиентами не исчезал из зоны научной рефлексии. Принципиальными в этой связи можно считать идеи Гегеля, Э. Эннекена (Геннекена), Н. А. Рубакина, представителей харьковской школы (А. А. Потебни и его последователей: Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. Г. Горнфельда и др.), Л. С. Выготского. Дальнейшая история исследования проблемы художественного восприятия имеет сложную внутренне дифференцированную природу. Можно выделить три основных направления этих исследований: литературоведческое, библиосоциологическое и психологическое². Первое тесно связано с идеями М. М. Бахтина и развивалось в работах А. И. Белецкого, М. Б. Храпченко, Б. С. Мейлаха, Н. В. Осьмакова, Г. Н. Ищука и др. В результате деятельности этих ученых были выработаны два основных методологических подхода к проблеме: широко известный историко-функциональный и менее прижившийся в науке системно-функциональный. Первый

¹ О принципиальности такого синтетического подхода подробно говорит в введении к своей книге Пол Дебрецени.

² См.: Художественное восприятие: Основные термины и понятия. Словарь-справочник / Тверской гос. ун-т. Тверь, 1991.

делал акцент на прослеживании “жизни произведения в веках”, второй – на системе приемов воздействия, заложенных в произведении. И тот, и другой метод исходил из идеи читательского приоритета; первый – реального, а второй – имплицитного (читателя, которому реальный автор адресует свой текст). Основные недостатки этих подходов к изучению литературы выявились при попытках приложить теорию к практике конкретного анализа произведений.

Второе направление отечественного изучения проблемы художественного восприятия было связано с деятельностью библиотечных работников. В рамках этого направления, основы которого были заложены теорией “посева библиопсихологических ценностей” Н. А. Рубакина, возникли сотни эмпирических исследований читательских предпочтений и интересов (эта работа началась еще в конце XIX века), что привело в 1960-е годы к организации ряда крупномасштабных исследований Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Однако само изучение динамики и структуры чтения советского человека было мало результативным уже в силу узкой идеологичности самого книжного рынка и библиотечных анналов.

Третье направление было связано с психологией чтения, восходило к учению Потебни и Выготского, а в практическом применении обнаружилось в трудах по методике литературы. Среди основных представителей этого направления – В. Ф. Асмус, П. М. Якобсон, В. П. Таловов и др. Особое место в этом ряду занимают современные продолжатели направления В. П. Белянин и Ю. А. Сорокин, у которых идеи психологического подхода к проблеме восприятия получили крайнее выражение. Однако именно в рамках “психиатрического литературоведения” был сформулирован важный для нашего исследования тезис: закон корреляции психотипа писателя и читателя действует только в рамках “той части художественных текстов, в которой ярко выражена авторская эмоционально-смысловая доминанта”¹, чем подтверждалось исключительное место классических текстов с осложненными доминантами в системе психологии восприятия (сторонники “психиатрического литературоведения” из своих экспериментов классические тексты практически исключили).

Развитие научной мысли зарубежного литературоведения шло в направлении синтеза разных подходов к проблеме функционирования литературных произведений. Важнейшие достижения рецептивной эстетики были сформулированы представителями “констанцской школы” (Г. Гримм, Р. Варнинг, Х. Р. Яусс, В. Изер). Х. Р. Яусс выдвигает идею новой культурно-эстетической парадигмы, которая должна дополнить формально-эстетический анализ историко-рецептивным, учитывающим социально-исторические условия существования искусства, объединить структуралистский и герменевтический подходы, расширить сферу эстетического освоения действительности, включив в нее наряду с высокими жанрами и “сублитературу”². Таким образом, сформулировано теоретическое поле проблемы функционирования художественной литературы в обществе: сами свойства произведения, определяющие его эстетическую ценность и определяемые мерой таланта автора, динамика понимания текста во времени, широкий литературный фон его функционирования.

Кроме различных направлений отечественной и зарубежной литературоведческой мысли, важное место в теоретической базе этого исследования занимают работы социологов литературы, также непосредственно связанных с теорией рецептивной

¹ Белянин В. П. О корректировке гипотезы Геннекена–Рубакина // Общенациональный конгресс по чтению: Чтение в современном мире: Опыт прошлого, взгляд в будущее. Рубакинские чтения. Симпозиум, посвященный 130-летию со дня рождения Н. А. Рубакина. Москва, 18–21 августа 1992 года. М., 1992. С. 10–11.

² См.: Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Предисл. и пер. с нем. Н. Зоркой. // Нов. лит. обозрение. 1995. № 12. С. 34–84; Дранов А. В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. С. 122–123.

эстетики¹. Представители этой отрасли (А. И. Рейтблат, Б. В. Дубин, Л. Д. Гудков и др.) выдвигают следующие положения, в разной степени востребованные в нашем исследовании: литература понимается как социальный институт, направленный на поддержание культурной идентичности общества; институт литературы имеет исторический характер; литература письменно фиксирует “ядерные” культурные значения и с ослаблением религиозных институтов претендует на синекдоху всего понятия “культура”; литературно-социологический анализ явлений предполагает совмещение социальных, культурных, когнитивных и литературных значений и их динамики; акт чтения рассматривается как специфическая форма социального взаимодействия.

Кроме того, мы учитывали основные теоретические разработки проблемы классического в литературе, о которых речь шла выше. Весь этот материал послужил основанием выработки теоретического подхода к проблеме функционирования литературных феноменов в современную эпоху и определил круг научных идей смежных дисциплин, привлекаемый при анализе материала, в связи с чем в работе используются идеи Р. Авенариуса, В. М. Бехтерева, М. Вебера, А. Вежбицкой, Р. Докинза, К. Клакхона, Ч. Ламсдена, Г. Ле Бона, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Ю. М. Лотмана, Б. Малиновского, Е. М. Мелетинского, Х. Ортеги-и-Гассета, Р. Семона, Ж. Тарда, Н. Хомского, М. Элиаде, К. Г. Юнга и многих др.

Научная новизна. Принципиально новым в работе является постановка проблемы в связи с таким объектом, как классические литературные феномены и их функции. В современной отечественной научной мысли началась основательная разработка подхода к явлениям массовой литературы как с точки зрения их социальных функций (Дубин), так и с точки зрения психологии их восприятия (Белянин). Что же касается классической литературы, то социологами она рассматривается как маргинальная и не заслуживающая особого внимания в силу ее низкой потребляемости читателями, а литературоведы исследуют классическое наследие в отрыве от его реального функционирования в современной жизни. В результате такой односторонности и литературоведение, и социология литературы оказываются на ложном пути в определении роли классических литературных феноменов в современном обществе. Социологи полагают, что классика имела ценность в условиях тоталитарного режима, а теперь сдает свои позиции, литературоведы возражают: “...для читателя поистине культурного классическое произведение – это не только непререкаемый образец, освоение которого составляют обязанность и долг, сколько высокая ценность, которая может быть им постигнута лично, инициативно, свободно”². Возникла и сохраняется напряженная оппозиция “культурное сознание” – “массовое сознание”, уже снятая новейшими достижениями культурологов и философов, но остающаяся фактом литературоведческих исследований проблемы “классика и современность”. Синтез подходов разных научных дисциплин обеспечивает принципиально иной анализ материала и позволяет выйти к новому уровню историко-функционального изучения классической литературы. Научная новизна обусловлена следующим:

1. Произведена коррекция историко-функционального метода в соответствии с измененной социокультурной ситуацией, что позволило рассматривать классическую литературу как фундаментальную часть не только института литературы вообще, но и экстралитературных сфер национальной культуры.

¹ Характерно, что теоретики историко-функционального метода в отечественном литературоведении использовали в качестве синонима к выражению “историко-функциональный аспект” словосочетание “социально-эстетическая жизнь произведения”. См., напр.: Осьмаков Н. В. Историко-функциональное исследование произведений художественной литературы // Русская литература в историко-функциональном освещении. М.: Наука, 1979. С. 5.

² Хализев В. Е. Классика как феномен исторического функционирования литературы // Классика и современность / Под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. С. 82–83.

2. Смысловым ядром этой коррекции стала разработка методики выявления кода, формулы, до которой “сворачивается” в общенациональном сознании творчество классического автора.

3. Описаны конкретные подходы к анализу этой формулы, что можно считать новым этапом развития литературоведческих исследований.

4. Представлены методы выявления “силовых линий” классического текста и в целом наследия классических авторов с точки зрения массовой рецепции.

5. На основе широкого круга источников разработана теория писательского мифа, позволяющая прогнозировать функционирование отдельных творческих миров в национальной культуре.

6. Выдвинут и обоснован тезис о единстве пушкинского мифа в национальном масштабе вопреки устоявшемуся мнению о множественности социокультурных мифов о поэте.

Положения, выносимые на защиту, обусловлены научной новизной и сводятся к следующему ряду:

1. Наименее изученное поле функционирования классических литературных феноменов – среднестатистическое сознание, ускользающее от объективного изучения в силу своего неписьменного характера (в отличие от функционирования литературных произведений в критике, литературоведении, на языке других искусств – то есть фиксируемых в письме культурных зон). Понятие “среднестатистическое сознание” ассимилирует оппозицию “элитарное” – “массовое” и обозначает зону глубинного тождества сознания профессиональных и непрофессиональных реципиентов одной нации.

2. Классические литературные произведения (как и любые другие объекты восприятия) неизбежно редуцируются в процессе функционирования до особых ярлыков и кодов, в виде которых они и входят в общую культурную матрицу, превращаясь в литературные феномены.

3. Классические литературные феномены благодаря широкомасштабной образовательной политике оказываются неизменным базисом культуры в широком смысле и литературного процесса в частности, выступая ориентиром для массовых жанров и полем открытого диалога с читателем в литературе авангардной. Тем самым классика выполняет в современной социокультурной ситуации ряд интегративных функций.

4. В ходе функционирования классических литературных феноменов может сформироваться писательский миф – особая разновидность мифов нового времени, когда объект проекции (автор классических текстов) выступает в качестве носителя высших ценностей и откровений (Пророка). При этом писательский миф отвечает трем задачам: объяснению, почему именно эта личность смогла создать подобное произведение, аккумуляции легенд о жизни писателя и установлению корреляции между эпохой, когда жил писатель, и современностью (последнее проявляется в ритуальной практике вокруг мифа).

5. Процесс мифотворчества вокруг классических имен складывается стихийно и слабо поддается коррекции, в его основе – три важнейших составляющих (виды признания, варианты “сползания” в нижние страты и агиографический компонент).

6. Чем более широко распространяется писательский миф, тем более ощутимо его внутреннее единство независимо от диапазона читательских (и – шире – потребительских) возможностей.

7. Пушкинский миф национального масштаба един, поскольку в его основе лежит признание первенства Пушкина в национальном классическом пантеоне.

8. Миф о Пушкине в общих чертах сформировался к маю 1820 года и был закреплен к середине 1827 года; последний штрих мифа, связанный со смертью поэта, был оформлен в течение зимы 1837 года. Формулировка мифа: Пушкин – первый и лучший

поэт в российской словесности, выразивший в своем творчестве суть национальной духовности и явившийся высшим объединяющим началом.

9. Дальнейшая история пушкинского мифа была последовательной сменой разных силовых линий (сакрализации и профанирования) единого мифа, живущего по законам ритмических повторений.

10. Редукция пушкинского творчества оформлялась в течение долгого времени и была связана с образовательными стратегиями, однако общий итог рецепции наследия Пушкина в среднестатистическом сознании современной эпохи в общих чертах повторяет “рецептивный остаток” эпохи пушкинской и подтверждает тезис о прижизненном образовании мифа и его неизменности на протяжении длительного времени.

Практическая значимость. Важнейший практический результат исследования – описание качественно новой модели функционирования классической литературы в обществе, соответствующей современному уровню развития научного знания, которая демонстрирует основные особенности классики как необходимого фрагмента социокультурной жизни нации и обеспечивает научно-исследовательские основания анализа процессов социализации классических литературных феноменов в измененной ситуации, характеризующейся кризисом прежней традиционной теоретической модели.

Эта модель может служить основанием пересмотра ведущих стратегий социализации классического наследия в прикладных отраслях, прежде всего, на разных уровнях литературного образования, теоретически обеспечивать научные подходы к широкому спектру проблем, связанных с русской классической литературой.

Диссертационное исследование направлено на выработку и теоретическое обоснование специальных методик, позволяющих получать конкретный эмпирический материал в рамках новой модели функционирования классической литературы. Предполагается, что работа может оказаться достаточным теоретическим заделом для целенаправленной организации крупномасштабных исследований, связанных с дальнейшим выявлением функционирования литературной классики в современном обществе и грамотного прогноза в сфере социализации классического наследия.

Эмпирические материалы, собранные в диссертации, могут стать основой иных, чем в диссертации, аналитических изысканий и привести к ряду заключений в областях литературоведения, культурологии, социологии и других наук.

Апробация исследования. Основные материалы, составившие корпус диссертации, обсуждались на международных и всероссийских конференциях в Великом Новгороде, Ельце, Москве, Самаре, Санкт-Петербурге, Старой Руссе, Челябинске, на методологическом семинаре кафедр литературы Челябинского государственного университета. Монография “Пушкинский миф в конце XX века”, отражающая важную часть материалов диссертации, получила положительную оценку отдела пушкиноведения ИРЛИ (Пушкинский дом).

Структура работы. Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и 6 приложений. Библиографический аппарат включает 540 описаний в списке использованной литературы, а также обзор 479 книг, относящихся к пушкинскому юбилею 1999 года, и 84 статей и иных материалов о пушкинских днях. В работу включены данные массовых опросов населения, изложенные в приложениях и по ходу работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, показана степень разработанности проблемы, изложены методологические принципы, вводятся основные понятия, формулируется круг проблем, связанных с темой диссертации, и обосновывается практическая значимость исследования.

Глава первая – “Закономерности формирования литературного пантеона” – состоит из четырех параграфов. В первом параграфе (“Понятия “литературная классика” и “литературный пантеон””) рассматривается процесс включения в литературный пантеон

отдельных произведений и творчества отдельных авторов (то есть процессы классикализации текстов). Основные механизмы этого включения связаны с теорией всеобщей обязательной эстетической ценности, разработанной Я. Мукаржовским¹. Ученый выдвигает три критерия, по которым можно определить всеобщую обязательную эстетическую ценность: “всеобщеобязательной является ценность, достигшая максимального распространения в пространстве, включая сюда максимальное распространение в разных видах общественной среды; ценность, успешно противостоящая напору времени; ценность, которая самоочевидна”². Совершив синонимическую в этом контексте подмену понятия “эстетическая ценность” понятием “классическое произведение” (в значении “образцовое”), мы получаем следующее определение: классическое произведение не вызывает аксиологических сомнений (повидимому, большинство классических произведений нового времени уже современниками воспринимаются именно в такой функции)³, оно не теряет своей “свежести” и эстетической ценности с течением времени (таким образом, мало признания современников, должно пройти время, чтобы классическое произведение утвердилось в своем статусе), наконец, классическое произведение должно быть “потребляемо” в самых широких национальных масштабах (что может быть эквивалентно включению в национальную образовательную парадигму в период всеобщей грамотности).

Кроме того, на формирование пантеона влияло общественное мнение и государственная идеология. Первое определяет легитимность произведения, второе – его легальность. Только совмещение легитимности и легальности позволяет тому или иному произведению занять свое место в литературном пантеоне нации. Сложная жизнь литературного пантеона обусловлена сменами легальных государственных форм. В то же время эта смена обычно касается только “реабилитации” “нелегальных” (но легитимных) произведений и “переакцентировке” извечного канона. Легитимация того или иного текста в обществе неизбежно влечет за собой легализацию – пусть в усеченном виде.

Во втором параграфе главы – “История формирования литературного пантеона в России” – речь идет о предпосылках сознательной иерархизации русского литературного процесса. Важную роль в описании и закреплении этой иерархии сыграли труды В. Г. Белинского. В первой же крупной статье Белинского “Литературные мечтания. Элегия в прозе” (1834) был не только сформулирован общий критерий оценки литературы – народность, понимаемая как выражение “народной идеи”, но и названы четыре имени – Державин, Пушкин, Крылов, Грибоедов. Эту статью можно считать началом формирования литературного пантеона, поскольку перечень писателей снабжался обоснованием – почему именно они. В 1835 г. Белинский провозгласил главой нового периода русской литературы Гоголя (“О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)). В статье о Бенедиктове Белинский усиленно пропагандировал творчество А. В. Кольцова. Позитивно он оценил творчество Лермонтова, приветствовал Герцена, Гончарова, Достоевского, представителей “натуральной школы”.

К 1830-м годам труд писателя превращается в почетную профессию, средство заработка, и армия литераторов умножает свои ряды. Возникла настоятельная потребность в отборе материала, его классификации, создании иерархической структуры со своими литературными “генералами” и “рядовыми” – другими словами, потребность в оформлении национального литературного пантеона. Основным источником этой потребности – распространение школьного образования. Именно включение литературы в обязательные школьные программы является важнейшим стимулом деятельности разных

¹ Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. С. 49.

² Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994.

³ См. обстоятельное исследование аксиологических проблем литературы в кн.: Segers R. T. The Evaluation of Literary texts: An Experimental Investigation into the Rationalization of Value judgments with Reference to Semiotics and Esthetics of Reception. Studies in Semiotics. Vol. 22. The Peter d Ridder Press, 1978. 178 p.

культурных институтов, занимающихся литературным процессом и его иерархизацией. Поэтому история формирования литературного пантеона как некоего весьма определенного ряда имен и текстов оказывается историей оформления школьных программ по литературе. Они основывались на объемистых изданиях, в которых литературный материал служил примером различных теоретических понятий, связанных с риторикой и поэтикой. Художественные тексты в связи с этим брались в усеченном виде, фрагментарно. В основе знаменитой хрестоматии А. Д. Галахова (выдержавшей 70 лет переизданий и бывшей основой литературного образования в России с середины 40-х до 1900-х гг.) лежит идеология Белинского, его оценки, мнение и тот состав имен, который был выдвинут критиком “на первый план”. Именно поэтому даже в начале XX века гимназисты завершали изучение отечественной словесности Гоголем и Кольцовым. Дальнейшая история школьных программ по литературе, прослеженная в параграфе, приводит к выводу, что принципы включения тех или иных авторов и произведений в программу подчиняются одним и тем же требованиям, независимо от смены политических режимов. В основе формирования литературного пантеона как “документально зафиксированного” “табеля о рангах” лежит школьная образовательная программа, освоение которой вменяется всем гражданам страны в обязательном порядке. “Ножницы” между реальной ценностью текстов и возможностью их адекватного прочтения в школьном возрасте создают напряжение в национальном литературном пантеоне и во многом определяют внутренние динамические процессы в этой системе.

В третьем параграфе первой главы (“Особенности возникновения и легитимации центрального литературного феномена”) речь идет о Пушкине и теоретических основаниях превращения его наследия в синекдоху всей русской литературы. Извечным вопросом, связанным с ощутимым первенством Пушкина в русской классической литературе, был вопрос: “Почему именно он?”¹.

Во-первых, Пушкин выступил “пророком” нормы, то есть грядущего развития языка, угадав в дискурсах эпохи жизнеспособные и творческие доминанты². Россия заговорила по-русски во всех стратах общества (демократизация элиты “сверху вниз” и рост грамотности и потребности в книжной культуре “снизу вверх” вел к относительной гомогенности “ключевых” запросов в национальном масштабе) и обнаружила, что “по-русски” эквивалентно “по-пушкински”. Закрепление пушкинских текстов в качестве примеров в русских грамматиках возводило стиль поэта в ранг образцового; при этом главная заслуга хрестоматий и учебников заключалась в переводе пушкинских фраз в зону автоматического восприятия, той нормы, которая формировала основу для “врастания” пушкинских клише в национальное сознание. Во-вторых, на этапе общенационального оформления язык стремится к клишированию, автоматизму как условию и следствию

¹ Б. М. Гаспаров формулирует проблему следующим образом: “...почему именно *эта* историческая реальность послужила основой для такого символического переосмысления; каковы были те конкретные эстетические, психологические, языковые черты данного феномена, в которых оказался столь мощный творческий импульс для последующей культурной традиции? Символические роли “первого поэта” (или “первого писателя”) своей эпохи, “родоначальника”, “всеобъемлющего гения” существовали в русской традиции и до Пушкина, и после него; но какие черты, присущие именно пушкинскому творческому миру, позволили претворить данные символы, применительно к Пушкину, в культурный абсолют, – такова сущность проблемы, которая представляет равный интерес как для изучения пушкинского творчества, так и для анализа более общих механизмов, действовавших в истории русской культуры” (курсив Б. М. Гаспарова. – М. 3.) См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 19.

² См.: Виноградов В. В. А. С. Пушкин – основоположник русского литературного языка // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1949. Т. VIII. Вып. 3. Май-июнь. С. 188. См. также наблюдение Б. М. Гаспарова: “С одной стороны, он обращен в будущее, как бы соучаствуя во всех последующих трансформациях языка и литературы, в качестве их мощного первоначального творческого импульса; но с другой стороны, в облике Пушкина и его эпохи проступают черты безвозвратно отошедшего прошлого – черты “старого времени”, анахронистичные для XIX, и тем более для XX века” (Гаспаров Б. М. Поэтика Пушкина в контексте европейского и романтического романтизма // Современное американское пушкиноведение. СПб.: Акад. проект, 1999. С.328).

консолидированной базы, главная функция которой – общенациональная коммуникация. Процесс клиширования основан на принципе экономии трудовых усилий, когда в языке должна образоваться особая апперцепционная база, элементы которой (как структурные, так и содержательные) понятны всем участникам коммуникации. Пушкинские формулы прочно вошли в общенациональный “набор” клишированных форм. Здесь важно, что речь идет не только и не столько о содержательной стороне этих формул, сколько о самой структуре пушкинского наследия, предвестившего грядущее развитие нормы, ее законов, путей ее дальнейшего развития¹. Пушкинские формулы отвечали тем матрицам мыслительного (речевого) действия, которые формировались в языке под воздействием объективных законов его развития и были гениально предугаданы Пушкиным. Отсюда “вечный комплимент” Пушкину: как все “просто и ясно”. И. Б. Роднянская справедливо указывает: “Пушкин создал собственный ситуативный язык мысли взамен того “интеллигентского” языка абстрактных понятий, который в его время едва начал складываться, создал как бы упреждающую альтернативу последнему”².

Эти два фактора (логически взаимосвязанные) объясняют суть гениальности Поэта, но не дают достаточно ясного представления, как пушкинская норма входит в сознание всей нации. В параграфе отмечаются такие источники широкого распространения пушкинских текстов, как лубочные книги и картины, позднее – “народная книга”, образовательные книги по литературе периода земской реформы, данные о книговыдаче библиотек и народных читален, ряд свидетельств о реакции читателей “третьего слоя” на произведения Пушкина (Х. Д. Алчевская, Н. А. Рубакин, анкета “Сельского вестника”, многочисленные анкетные данные начала века о восприятии творчества Пушкина в учебных заведениях), факты проникновения пушкинских текстов в устное народное творчество, переделки его стихотворений и их музыкальная судьба. Помимо того, существует ряд источников, по которым можно судить о восприятии самой личности поэта широкими массами (необязательно читателей). Это и легенды, складывавшиеся вокруг личности Пушкина в среде крестьян, непосредственно с ним общавшихся (Михайловское и Болдино), и очерки об отношении народа к поэту во время юбилея 1899 года, и легенды о Пушкине, зафиксированные в народной среде в начале XX века (Е. Баранов), и, наконец, материалы “Сельского вестника” и анкет-опросов учащихся, связанные с отношением к личности Пушкина. Обзор этих источников позволяет предположить, что отношение к личности Пушкина в народном сознании складывалось поэтапно, при этом поворотным моментом можно считать установку памятника Пушкину в Москве в 1880 году, что заставило простой народ “составить впечатление” о поэте, причем это впечатление в основном было связано с мнением о том, что Пушкин выступал за освобождение крестьян и “учил добру” – иначе за что же ему ставить памятник в Москве? Пушкин уже к концу XIX века оказывается частью стереотипического национального сознания, “героем” в сознании самых широких масс, имеющих нередко весьма смутное представление о его произведениях.

Рецепция пушкинского творчества и формирование представлений о его личности развивалось двумя параллельными путями: в сознании элиты и широких кругах малообразованного российского населения. Эти пути были связаны посредством императива влияния интеллигенции на народное образование и просвещение (всеобщее представление элиты о необходимости познакомить русский народ с его великим соотечественником). В результате различных форм бытования пушкинского творчества и информации о его судьбе и личности в культурном поле страны сформировался классический литературный феномен Пушкина, сутью которого оказались разные способы объяснения его первенства в литературе и национальной культуре.

¹ См.: Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. С. 14 – 16.

² Роднянская И. Б. Поэтическая афористика Пушкина и идеологические понятия наших дней // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 108.

Первую главу завершает параграф “Статус центрального литературного феномена в национальном пантеоне”, в котором речь идет о самих причинах почти двухвекового утверждения Пушкина главой литературного пантеона нации. Здесь подробно рассматриваются виды легитимации объекта культурной проекции (согласно учению М. Вебера). Уникальность ситуации с Пушкиным заключается в том, что рутинизация, распространение харизмы не повлекли антиавторитарных последствий. Пушкинское творчество в конце XX века воспринималось как еще более ясное откровение, “пророчество и указание”, говоря словами Достоевского, чем в момент его славы в конце века девятнадцатого. Произошла знаменательная трансформация: пушкинское наследие, ставшее объектом национальной рецепции, оказалось трижды легитимным: как закон (понимание, что Пушкин оказался вершиной русской мысли и русского искусства, умственное постижение его высшего места в русском культурном пространстве, научные исследования, связанные с этим вопросом), традиция (восприятие творчества Пушкина как “завета”, данного “золотым веком”, априорное признание его первенства, не нуждающееся в системе логических доказательств, восхищение его гением), харизма (постоянное открытие “нового” Пушкина, возможность бесчисленных интерпретаций, обнаружения скрытых ранее смыслов, неисчерпаемость наследия, невозможность поэта “разъяснить”, эффект постоянного эмоционального воздействия на читателей разных эпох). Легитимность “в третьей степени” пушкинского авторитета стала важнейшей основой для культовых построений вокруг его имени. С этим связано и признание Пушкина выразителем экстралитературных явлений духовной жизни нации: Пушкин – синекдоха понятия “классическая литература”, которая в свою очередь претендует на общее выражение понятия “литература”, и еще шире – понятия “культура”. Если учесть, что литературоцентризм культурного поля – достаточно очевидное явление, то становится ясным, как происходит экспансия литературного феномена в нелитературные сферы. Понятие “духовность” как синоним “культуры” влечет за собой “идею”, от которой один шаг до “идеологии”¹. Так центральный литературный феномен неизбежно превращается в идеологическое образование. Этот процесс ни в коем случае нельзя рассматривать как результат отдельных “воль” идеологически ангажированных лиц или как способ манипуляции массовым сознанием. Напротив, статус литературного феномена такого масштаба, как Пушкин, имманентно предполагает выход за рамки собственно литературного поля.

Вторая глава исследования – “**Функции классической литературы в современную эпоху**” – состоит из трех параграфов. В первом параграфе (“Классическая литература как часть массового сознания”) подробно рассматривается само понятие “массовое сознание” и указывается, что в последнее время ряд проведенных исследований в области массовой культуры заставляет пересмотреть прежние представления о массовом сознании как “низовом”, находящемся в оппозиции сознанию “элитарному”. Носителями массового сознания оказываются не отдельные социальные группы, а вся национальная общность. Массовое сознание рассматривается как элемент любого индивидуального сознания, причем элемент, сущностно необходимый уже в силу того, что индивид является частью социальной общности. Это вместилище самых глубинных, родовых схем жизнедеятельности, и степень культурной и интеллигентной развитости не отменяет самого факта наличия этих схем. В таком случае вопрос о функционировании литературных феноменов в массовом сознании последних лет становится вопросом о месте подобного артефакта в общей матрице национального (общественного) сознания, а массовое сознание (для снятия нежелательных коннотаций) можно рассматривать как среднестатистическое.

Во втором параграфе – “Место литературной классики в национальной культуре на рубеже XX–XXI веков” – отмечается, что важнейшая сторона восприятия текста – накопление особой памяти о прочитанном, которая, по мнению Н. А. Рубакина, способна

¹ См. подробнее: Гирц К. Идеология как культурная система // Нов. лит. обозрение. 1998. № 29. С. 7–38.

актуализовываться снова и снова. В то же время нежизнеспособные элементы исчезают из памяти “за ненадобностью” – в том числе и реакция на тексты. Особенности классических произведений в том и заключаются, что они содержат максимальное количество “жизнеспособных элементов”, прочно удерживающихся в памяти. Именно поэтому литература, обозначаемая в критике как массовая, открыто эксплуатирует не только художественные достижения классической литературы, но и иерархию нравственных ценностей, воплощенную в корпусе классических текстов. Что касается литературы, которую можно обозначить как авангардную, то место классики здесь иное. Открытое цитирование наиболее известных, стертых до стереотипа классических фраз, обращение к “школьной” классике становится полем особой встречи эпох, поиском общей апперцепционной базы, приглашением читателя к переживанию известного как абсолютно нового. Таким образом, классика не девальвируется, а обретает иное измерение в новом художественном пространстве. Об этом образно говорит В. И. Тюпа, ссылаясь на мнение М. Бахтина (“внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах... Каждый культурный факт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность”¹): “Не является ли классическая литература своего рода “межевым знаком”, своеобразной пограничной областью между архаическим и авангардным, местом их драматической духовной встречи?”²

В третьем параграфе второй главы (“Интегративные функции литературных феноменов в массовом сознании”) говорится о наиболее общих законах психологии восприятия, обеспечивающих особую жизнь классических феноменов в национальном сознании. Изложены результаты эксперимента-опроса, позволяющего получить принципиально новые данные о среднестатистическом “остаточном” восприятии личности и творчества поэта, объясняется методика работы и получения данных. Реципиентам предлагалось записать ассоциативные ряды, возникающие в их сознании при упоминании имени Пушкина. За несколько огрубленным рейтингом этих ассоциаций выявляется некая “формула”, суправербальный код, до которого творчество поэта сворачивается в ячейках общенациональной культурной матрицы. Определение этого кода влечет за собой необходимость его интерпретации – то есть попытки обнаружить закономерности именно такого кодифицирования. За полученными данными скрывается важная тенденция рецепции пушкинского наследия почти двухвековой длительности: Пушкин воспринимается как поэт “чистого искусства”. Наиболее частые упоминания его произведений: поэзия, сказки, “Евгений Онегин”. При этом анализ ассоциаций позволяет установить главные темы лирики, востребованные в среднестатистическом сознании – любовь и природа. Важно, что и любовный, и природный тексты “очищены” от всего негативного (например, ревности, разлук, ссор, бурь, мглы и т. п.). Исследование показало, что в среднестатистический “рецептивный остаток” связан с такими лирическими произведениями Пушкина, как “Я вас любил...”, “Я помню чудное мгновенье...”, “На холмах Грузии лежит ночная мгла...”, “Зимнее утро”, “Зимний вечер”, “Осень” (строфа “Унылая пора! очей очарованье...”). Именно благодаря такому отбору Пушкин оказывается “светлым”, “легким”, “воздушным”, “радостным” поэтом. Общенациональная редукция важной части пушкинского наследия – лирики – отражает действие одного из главнейших механизмов функционирования классики – интегративной оптимизации. Поиск “светлого начала” оказывается потребностью и определенным сценарием общенационального восприятия. Поддающиеся такому поиску пласты художественного наследия Пушкина проходят “отсев”, в результате чего как релевантно значимые в общем “коде” поэта остаются именно “позитивные” тексты. Сравнение анкетных данных с мнением критики 40–50-х годов XIX века показывает, что этот процесс разворачивался в читательских кругах изначально, и профессиональные читатели

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 25.

² Тюпа В. И. Между архаикой и авангардом // Классика и современность... С. 116.

– почти современники Пушкина – воспринимали его лирику во многом по тем же законам редукиции, что и современный массовый читатель.

Те же причины обеспечили лидерство в группе сказок именно “светлого” текста (“Сказка о царе Салтане...”). Особое место в рейтинге занимает “Евгений Онегин”. В качестве редукиции творчества Пушкина это произведение воспринято именно как этический “кодекс”, поскольку пушкинский текст основывался на фабуле, учитывающей потребность в стабилизации жизненных ценностей. На первом плане оставалась любовь, при этом мир уютного семейного счастья оказывался недостижим и не востребован (что в целом характерно для ценностной иерархии национального сознания, по мысли Бердяева), особую ценность приобретали категории долга и ответственности. Полученные результаты позволяют на примере Пушкина судить об такой функции литературного феномена, как утверждение незыблемой иерархии человеческих ценностей. Возможно, что всякий национальный поэт “первого ряда” воспринимается на феноменальном уровне именно как творец своеобразного “учебника жизни”. В еще более значительной мере, чем “инструкция”, классика оказывается синонимом понятия “национальная гордость”. Поэтому еще одна функция литературных феноменов – консолидация национальных сил, доказательство национального единства и факт национального самосознания.

В связи с корреляцией пушкинского имени и реального состояния национальной самоидентификации особую значимость приобретает такая функция литературного феномена, как легитимация консервативных тенденций. Русская классическая литература оказывается средоточием главных консервативно передаваемых из поколения в поколение ценностей – аскезы, духовного труженичества, готовности к самопожертвованию. С этим связаны и элементы сакрализации Пушкина в современной культуре. Пушкинский феномен оказывается в зоне сакрализации и наделяется качествами национальной святости, то есть высшей силы, объединяющей нацию на уровне “стержневой идеи”. В параграфе подробно рассматривается современное состояние вопроса “Пушкин и христианство” как прямого следствия этих процессов, и делается прогноз о безуспешности попыток вывести имя и творчество Пушкина из сферы сакрализации.

Третья глава исследования (“**Писательский миф как литературный и социокультурный феномен**”) состоит из четырех параграфов. Первый параграф – “Понятие “писательский миф”” – посвящен теории мифов нового времени. Мифотворческий процесс нового времени во многом аналогичен древнему; миф является прибежищем “нуминозного остатка”, наличие которого в обществе неизменно (Юнг) и поэтому функционирование мифов в обществе так же активно, как и в древние времена. В основе омифотворения той или иной личности лежит процесс легитимного “возведения в святые”, при этом писательские мифы возникают из плотного кольца легенд вокруг жизни творческой личности и подчиняются главному вопросу – объяснению гениальности объекта проекции и его влияния на все новые и новые поколения.

Во втором параграфе (“Варианты формирования писательского мифа”) предлагается схема возможных стратегий писательских мифов и доказывается, что в основании этих стратегий – три главных фактора: виды признания; варианты “сползания” в нижние страты; агиографический компонент. Эти факторы вступают в сложное взаимодействие, определяя стратегический компонент возникновения каждого писательского мифа. Механизмы этого взаимодействия показаны в параграфе на примере возникновения и функционирования мифа о Достоевском. Писательские мифы обладают различной степенью развитости и могут рассматриваться как “история” литературного феномена, поскольку в основе каждого мифа лежит искажение фактов по законам редукиции и упрощения, а также их подгонка под определенные сценарии и схемы.

Третий параграф – “Проблема литературных культов и “культового потенциала” писателя”. “Культ” в самом общем понимании слова – это организованное благоговейное почитание кого-либо или чего-либо. “Культовый потенциал” писателя – это “набор”

биографических и творческих фактов, которые при определенном стечении обстоятельств вызывают распространение поклонения своему носителю (его памяти).

В любом обществе всегда существуют условия (и необходимость, потребность) в самом акте поклонения (согласно теории Макса Вебера¹). Модель “необходимых и достаточных” для возникновения культа условий (для русского сознания) определена религией (самым массовым и упорядоченным культом в человеческом обществе) – герой культа должен быть страстотерпцем во имя высокой цели (спасения всех). В эпоху падения института религии и умаления его роли в общественной практике место культовой фигуры оказывается вакантным. Эта лакуна стимулирует мифотворческую деятельность, направленную на “узаконивание” отдельных фигур как “культовых”. Формируется целый комплекс представлений о Настоящем Поэте – пророке, гражданине, мученике за общественное благо. В основе таких представлений – быстро складывающийся в своих главных чертах миф о Пушкине и культ поклонения ему как выразителю национального самосознания. Согласно мнению П. Давидхази, культ писателя выражается в трех главных позициях – объект культа вне всякой критики, развернутые ритуальные действия (рэмблинг и священный символизм памятных дат) и приведение по любому случаю цитаты из наследия писателя (признание высшей авторитетности)². В то же время важно, что фигура Пушкина как “культурного князя” не исчерпывает потенциал “пустого места” в культурной матрице. Каждая эпоха, то отодвигая Пушкина, то “раздувая” его культ, тем не менее допускает возможность “второго пришествия”. В параграфе это явление рассматривается на примере анализа культового потенциала А. Блока.

Четвертый параграф третьей главы – “История формирования мифа о Пушкине как центральной фигуре национального литературного пантеона”. В отличие от мнения Б. М. Гаспарова, полагающего, что в общих чертах миф о Пушкине спонтанно возник в “самый момент гибели поэта”³, его оформление произошло задолго до смерти Пушкина. Суть мифа – признание первенства Пушкина в литературном ряду (“высшее проявление” литературной гениальности). Очевидно, что такое признание оформилось ранее 1837 года, отнюдь не сквозь призму трагической гибели поэта. Анализ документов пушкинской поры приводит к выводу, что писательский миф был сформирован к 1820-м годам – можно обозначить здесь несколько вех: 1820 (признание несравненной талантливости юного поэта широкой публикой), 1824 (окончательное оформление основных позиций мифа), 1827 (переход мифа из состояния становления в *status quo*). 1837 год станет точкой отсчета массовых культовых действий вокруг поэта. К середине 1820-х годов сформировались основные стороны мифа: утверждение о гениальности Пушкина-поэта и ничтожестве Пушкина-человека, которые последовательно будут доминировать в истории функционирования мифа, то усиливая сакральные представления о Пушкине, то профанируя образ поэта, но являясь неразрывными аспектами одного цельного мифа. В параграфе произведен подробный анализ функционирования пушкинского мифа в периоды, традиционно считающиеся временем “затмения пушкинского солнца” (40–60-е годы) и показано, что миф в это время переживал период распространения и легитимации. К столетнему юбилею Пушкина писательский миф породил все свои главные манифестации, которые будут повторяться в последующие эпохи. К ним можно отнести тщательную текстологическую работу над пушкинским наследием и подготовку все более качественных полных собраний сочинений поэта, широкое распространение пушкинских текстов в читательской среде, приобщение народного читателя к Пушкину (что можно рассматривать как фиксирование важнейшего ответа на вопрос мифа – непреходящей

¹ Weber M. *The Theory of Social and Economic Organization*. Glencoe: Free Press, 1957.

² Dávidházi P. *Cult and Critic: The Ritual in Europe's Reception of Shakespeare // Literature and its Cults: An anthropological approach*. Budapest: Argumentum, 1994. P. 29 – 46.

³ Гаспаров Б. М. *Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка*. СПб.: Акад. проект, 1999. С. 15.

гениальности Пушкина), составление воспоминаний о Пушкине – прежде всего человеке, личности, подготовку его биографии, установку памятника ему (закрепление пушкинского авторитета в агиографическом контексте), организацию юбилейных торжеств, закрепление ритуальных практик, связанных с чествованием поэта и т. п. Дальнейшая история (весь XX век) – это череда попыток “приспособить” Пушкина (миф о нем) в узко-политических целях. При этом сам миф остается неизменен, един во всех странах. Особенности его функционирования связаны лишь с активизацией тех или иных сторон мифа.

Четвертая глава исследования (“Основные манифестации пушкинского мифа как ядра национального литературного пантеона (юбилей 1999 года)”) посвящена анализу юбилейного года и состоит из трех параграфов. В первом параграфе – “Пушкиниана конца века” – показано, что в самом потоке литературы о Пушкине и посвященной Пушкину четко просматривается ритуальная схема: подготовка к изданию самого “священного текста” – рукописных тетрадей, Полного собрания сочинений с комментариями, Летописи жизни и творчества, Пушкинской энциклопедии; подчинение научных исследований пиетету и признанию объекта исследования вне критики; возникновение новых и переиздание старых биографий поэта как восстановление агиографического компонента; литература о местах, связанных с жизнью поэта, как фрагмент ритуальной практики (рэмблинга); “ритуальные подношения” Пушкину в виде поэтических “венков”, посвященных ему конференций, а также произведений разных искусств, отражающих его жизнь и творчество, что выступает продолжением давней традиции. На примере юбилейной пушкинианы можно судить о месте русской литературной классики в духовной жизни элитарных слоев. Как бы ни казалась классическая литература “мертва”, она выступает необходимой основой этой жизни, и обращение к ней не угасает, а претерпевает пульсирующие изменения. 1999 год продемонстрировал всеобщее признание важности классической литературы, что выразилось в настоящем “взлете” пушкиноведческой и посвященной Пушкину печатной продукции. При этом важно, что сама пушкиниана оказывается манифестацией мифа, заполняя те валентности, которые он порождает, и в конце концов оборачивается частью всеобщего юбилейного ритуала вокруг имени поэта.

Второй параграф посвящен самому этому ритуалу (“Юбилейная ритуальная практика”). Подробно рассматриваются истоки формирования массовых юбилейных чествований (начиная с 1880 года): организация уличного шествия, сценарий празднования в “залах”, содержательные инварианты юбилейных речей (мотивы покаяния и заклинания), неперемное наличие символа юбиляра – бюста Пушкина, увенчиваемого в момент “апофеоза” лавровым венком, праздничная трапеза. Все эти манифестации оказались точно воспроизводимы в период двухсотлетнего юбилея. Анализ государственных планов чествования поэта показывает их полное соответствие ритуальным схемам. Общее отличие последнего юбилея от предыдущих – карнавально-игровой характер празднования, стремление усилить значение “веселого имени – Пушкин” в современной России, подчеркнуть “нескучность” поэта. Это проявилось прежде всего в “просачивании” игровых форм в “серьезные” юбилейные мероприятия.

Наконец, последний параграф главы (“Китчевые формы культуры юбилейных дней”) посвящен самому крайнему проявлению основных ритуалом. Анализируются примеры использования пушкинского имени и строк стихотворений в рекламе, промышленности, рассматриваются анекдоты о Пушкине и множество фактов обращения к Пушкину как мистической фигуре. Все это – попытки максимального приближения к Пушкину, стремление продемонстрировать остроактуальность его фигуры и близость современной действительности. Распыляя пушкинское наследие и облик в окружающем бытовом пространстве, китч не уничтожает значимости фигуры поэта, а лишь является следствием этой значимости. Китчевые формы культуры отвечают скрытой (или явной) потребности масс “обладать Пушкиным”. “Воля-к-обладанию” является следствием

внутреннего потенциала мифа о Первом Национальном Поэте. Этот внутренний потенциал сводится к действию главной “пружины” мифа – ответу на вопрос “Почему именно он?”.

Таким образом, пушкинский миф в конце XX века манифестируется в двух не исключаящих друг друга стратегиях: сакрализации имени поэта и всего, что с ним связано, и всемерного “приближения” его к себе, профанировании и карнавализации. Слившись воедино, эти рецептивные стратегии определяют новый этап в истории пушкинского мифа – лишенный официально навязываемого “сверху” сценария интерпретации, миф разворачивается в “чистом виде” – как совокупность различных представлений, неизбежно деформированных контекстом функционирования мифа, но наиболее очевидно отражающих всеобщее признание не только пушкинского наследия как обязательной в национальном масштабе эстетической ценности, но и судьбы поэта как парадигмы национальной героики и желаемого сценария жизни. Функционирование классических литературных феноменов иного статуса, чем центральный, осуществляется по той же схеме – одновременного возвышения и профанирования как свидетельства все более глубокого и основательного внедрения в национальное сознание. Полученные результаты позволяют прогнозировать успешность таких форм социализации классического наследия и в первую очередь творчества Пушкина и информации о его судьбе и личности, которые коррелируют с внутренними потребностями массового масштаба и отвечают новой парадигме мышления, где демонстративно-консервативная и имплицитно-психологическая приверженность классическим образцам сочетаются с требованиями “нового слова” о “главном”.

В Заключении подводятся итоги исследования. “Символический авторитет” классики неуничтожим никакими общественными потрясениями или иквэлитарными процессами, поскольку ее функции превосходят сферу эстетики. Потребность в сакральных сферах оказывается имманентна обществу на любой стадии его развития. Место сакральной фигуры легче всего занимает вождь, однако политическая ситуация 1990-х годов показывает, что в период “смутного” времени на роль “священного лидера” выдвигается поэт, чье творчество в процессе феноменологической редукции очищается от всяких примесей “конъюнктуры”. Всеобщее признание Пушкина позитивным символом русской жизни, что подтверждается анализом множества документов и проведенным опросом, оказывается залогом признания ценности классической литературы вообще (поскольку Пушкин выступает синекдохой всего литературного пантеона).

Это признание выражается не столько в постоянном перечитывании и “приобщении” и не в покупке книг, а в сознании причастности классики к русской жизни в ее философском аспекте. Классика не обязательно относится к числу “любимых” – она относится к числу “лучших” и “важнейших” книг, оказывающих длительное или поворотное влияние на мировоззрение и духовную сферу реципиента.

Школьная идеология в этой связи оказывается столь же важным фактором, как и во времена государственной индоктринации в образовании. При этом образовательные парадигмы сохраняют свои инвариантные (судя по истории русского литературного образования за полтора столетия) черты: четкую привязанность к литературному пантеону и вывод “несанкционированных” традицией произведений в зону “внеклассного чтения”, сознательную редукцию классических текстов до ряда идеологем-формул, заучивание наизусть большого числа поэтических текстов. В то же время только идеологический диктат, осуществляемый через систему образования, нельзя считать ведущим инструментом “классикализации” литературных представлений широкого читателя. Действие целого ряда механизмов, в том числе и психологии чтения, позволяет судить о постоянной коррекции “государственных” (образовательных) санкций в области литературы “снизу”.

Идея манипулирования массовым сознанием и представление об “идеологизированной” классике как средстве этой манипуляции ложна в самом своем

основании и является результатом причинно-следственной подмены: не “высшие сферы” играют сознанием большинства, “оболванивая” его в том числе и посредством редуцированного курса русской литературы, а само массовое сознание “требует” однолинейности толкований и единого “смысла”. В результате процесс редукции оказывается неизбежным при любом государственном устройстве.

Этот процесс тесно связан с психологией чтения и психофизическими особенностями сознания, когда любая информация должна свернуться до “кода” и “ярлыка”. Каждое имя в литературном пантеоне сводится к небольшому числу самых признанных его произведений, а эти произведения стягиваются до общей формулы творчества. При этом действует ряд механизмов, определяющих следующие процессы: персонализации (и встречный процесс “рассеивания” представлений о писателе, рутинизации), редукции смыслов (кодификации) и, наконец, расставления акцентов вплоть до “формулы творчества”. Существует и обобщение всего литературного пантеона – именем Пушкина.

В связи со сломом прежних представлений об общественном прогрессе и социокультурных ценностях в современной науке наблюдается пересмотр отношения к основным общественным институтам, в том числе и к классической литературе. Анализ существующих подходов позволил выделить две актуальные на сегодняшний день модели функционирования классических литературных феноменов в обществе, каждая из которых подвергает прежнюю модель пересмотру с разных позиций.

Первая модель может быть условно названа “литературоведческой” и представляет собой следующий теоретический конструкт: в постиндустриальном обществе искусство и его важнейший институт – литература – оказываются вытеснены в маргинальное пространство, и их возвращение на прежние позиции возможно только при всеобщей сакрализации этого института. Агентами желанной сакрализации выступают представители интеллигенции – хранители высших духовных ценностей нации и человечества, задача которых – всемерное противостояние общему духовному обнищанию и деградации, служение искусству и литературе как средоточию высших ценностей, оберегание великого наследства. Классическая литература оказывается в этой ситуации синекдохой всего искусства и знаком отмежевания от нравственно разлагающейся массы, которой интересно только легкое бульварное чтение. Согласно этой модели, властные структуры должны выступить в союзе с интеллигенцией в создании условий для сакрализации классической литературы и превращения ее в сублимированный культ. В случае, если этого не произойдет, интеллигенция вынуждена будет проявить энтузиазм личной приверженности классики и хранить ее идеалы независимо от общественно-политической ситуации.

Вторая модель может быть условно названа “социологической”, поскольку она предложена в развернутом виде именно социологами литературы, и представляет собой следующее.

Крушение тоталитарного режима, ослабление идеологических институтов и воцарение законов свободного рынка в книготорговле привело, во-первых, к реальному умалению роли литературы в общественной жизни, а во-вторых, к выходу искусственно подавляемых в прежней общественной системе потенциалов чтения на уровень реализации. При этом классическая литература предстала в своем истинном виде – как результат конвенций властных структур и навязываемая “сверху” система норм и ценностей, нерелевантная без обязательной индоктринации. Литературоведение, продолжающее сосредоточивать свои силы на классическом наследии, оказывается в позиции института, работающего на самого себя. Классическая литература и обслуживающие ее функционирующие институты (прежде всего, литературоведение и критика, критериальная система которой восходит к классическим образцам) должны занять в общем пространстве место, прямо пропорциональное их потреблению (менее 1 %) и не претендовать на роль незыблемого авторитета в новом обществе. Академическому

литературоведению предстоит выработать систему подходов к настоящей (массовой) литературе.

В обеих моделях точкой отсчета становится признание тезиса о закате классической литературы как субститута культуры, при этом первая модель считает этот процесс катастрофическим, но управляемым и поддающимся коррекции, вторая модель включает его в причинно-следственные связи как неизбежный, необратимый и даже желанный. Отсюда и анализ последующей “расстановки сил”: признания миссионерско-охранительной роли обслуживающих классическую литературу институтов в первой модели и нивелирование этой роли во второй.

Представляется, что обе модели отражают некоторое крайнее выражение научной мысли эпохи слома традиционных ценностей и во многом опираются на мнения, а не на факты. Как показано в нашем исследовании, функционирование классических литературных феноменов в постиндустриальном обществе эпохи масс-медиа не исчерпывается фактами массового чтения и требует учета множества экстралитературных факторов. Юбилей Пушкина оказался тем историко-культурным пространством, в котором действие многих механизмов стало явным и позволило сделать ряд принципиальных обобщений.

Поэтому стало возможным утверждать, что модель функционирования классических литературных феноменов и стратегии деятельности институтов, связанных с классическим литературным наследием отношениями “хранения и передачи информации”, носит принципиально иной характер.

1. Классическая литература в генерализованном виде отличается стабильным и инвариантным изображением главных ценностей жизни.

2. Классическая литература неизбежно оказывается в роли “недостижимого образца” и “культурной иконы”, непререкаемого авторитета и нравственного ориентира, которым можно гордиться, отражает тот набор ценностей, который можно рассматривать как единственно значимый в плане национального самосознания.

3. Оказываясь в сакральной зоне, классическая литература приобретает на уровне среднестатистического восприятия черты фетиша, который ценен сам по себе, возникает аксиоматическая легитимация, передаваемая из поколения в поколение. Возникающая в силу закона противодействия энергия профанизации сакрального оказывается подтверждением особого статуса сакрализуемых явлений.

4. Противопоставление массовой и классической литературы осуществляется по линии “легкое” – “трудное” чтение; очевидно, что повседневность диктует обращение к чтению в качестве “отдыха”, а не “труда”, поэтому “удельный вес” классической литературы в массовом чтении не может быть значительным. В то же время сама массовая литература возможна только как проекция литературы, имеющей классический статус, и возникает в результате сознательной эксплуатации конвенций “высокой литературы” (явление, фиксируемое со времен литературы Никольского рынка).

5. Отсутствие убедительных методик выявления воздействия классических литературных феноменов на сознание реципиентов и пролонгированного их влияния остается причиной “вкусового” анализа места классических феноменов в массовом сознании. Согласно результатам проведенного эксперимента, классическое наследие остается в сознании реципиентов в “свернутом” виде, вполне адекватном существующим научным представлениям о нем.

6. Классическая литература сама по себе не нуждается в охранительных санкциях и защите, она прочно входит в русский менталитет и когнитивную базу, что подтверждается исследованиями языка.

7. Литературоведение ответственно не за расширение и углубление представлений о литературной классике во все большем масштабе (на чем долгое время основывались авторы реформ программ по литературе), а на учитывании реальной кодировки крупнейших классических явлений в национальном масштабе, выявлении

истоков именно такого кодирования и поиска механизмов влияния на корректировку нежелательных или очевидно ошибочных ярлыков (либо объяснения люфта между “профессиональным” и “непрофессиональным” ярлыком). С этой целью необходимо проведение ряда крупномасштабных исследований по выявлению характера внедрения классических литературных феноменов в национальное сознание и форм, которые они принимают в ячейках единой национальной культурной матрицы. Именно такое направление историко-функциональных исследований представляется оправданным и необходимым на современном этапе.

8. Особая функция литературоведения применительно к способам существования классической литературы в обществе связана с влиянием на массовое литературное образование, к которому оказывается причастно подавляющее большинство населения. Образовательная литературная оптика основывается на отдельных достижениях литературоведения и неизбежно упрощает любую литературоведческую концепцию – исправить такое положение дел невозможно в силу самой организации образования, основанной, в свою очередь, на скрытой воле масс и детской психологии чтения. Литература как школьный предмет оказывается важнейшим инструментом приобщения к классическому наследию максимального числа носителей языка. Споры о качестве литературного образования, не утихающие несколько десятилетий, малоэффективны, поскольку касаются вариантов тактик, а не смены самой стратегии. Представляется, что стратегическая опора на произведения классической литературы в школьном курсе соответствует важнейшим путям социализации классики и в случае искусственной смены “сверху” окажется востребована “снизу” по законам относительности и воспроизведения. Наиболее адекватным сегодняшнему моменту тактическим вариантом этой стратегии следует признать личностно-ориентированное обучение, реализация которого ведет к признанию важнейшего явления: рост самостоятельности учащихся при изучении классических текстов прямо пропорционален увеличению роли учителя, наставника в этом процессе¹. В этом явлении можно усмотреть отражение имманентной потребности индивида в руководителе и авторитетном ориентире. Классическую литературу можно рассматривать в качестве такого ориентира внутрилитературных генерализованных стандартов, экспансия функций которых во внелитературные сферы определена самим статусом “высокой” литературы.

Эта новая модель может выступить основанием коррекции историко-функциональных исследований, касающейся следующих моментов:

1. Основная проблема историко-функционального изучения литературы связана с отсутствием конструктивных методов анализа “остаточного” восприятия классических литературных текстов в среднестатистическом либо стратифицированном планах.

2. Выдвинутая Н. А. Рубакиным идея “суправербальности” позволяет предположить, что это “остаточное” восприятие и есть тот ярлык, код, до которого сворачивается крупное явление классической литературы в ячейках общекультурной матрицы.

3. Реальными задачами историко-функциональных исследований литературы на современном этапе следует признать:

а) изучение фактов возникновения и функционирования литературных феноменов – синтетических проекций личности писателя и созданных им произведений, возникающих по закону стяжения и редуцирования фактов;

б) выявление основных кодов русской классической литературы как крайнего редуцирования литературного феномена на основе конкретных техник анализа восприятия, предлагаемых социологами и психологами;

¹ См. подробное обоснование и описание этого явления: Шишмаренкова Г. Я. Познавательная самостоятельность как педагогическая проблема / Челябинск. гос. ун-т. Челябинск, 1997.

в) обнаружение закономерностей и механизмов кодирования литературных явлений на основе анализа социокультурной и эстетической ситуации формирования каждого ярлыка;

г) прослеживание функционирования кода в “движении эпох”;

д) изучение экспансии литературных феноменов в экстралитературные сферы культуры;

е) анализ механизмов кодифицирования литературных феноменов в практике современной литературы и других искусств.

4. Подобная переакцентировка задач историко-функционального метода позволяет превратить эту сферу литературоведения в один из актуальных инструментов анализа реальной жизни классического литературного наследия в современной общекультурной матрице и выявить те “силовые” линии классического наследия, которые обеспечивают его жизнеспособность.

Таким образом, намечаемые пути дальнейшего исследования заявленной проблемы и комплекса вопросов, которые она провоцирует, могут стать основанием коррекции историко-функционального направления в отечественном литературоведении и позволить науке о литературе оперировать принципиально новыми данными о рецепции классических литературных феноменов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. Пушкинский миф в конце XX века / Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 2001. 289 с. (15, 6 п. л.)
2. Автобиографизм. Документальная основа. Заимствование. Подтекст. Реминисценция. Цитата // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997. С. 135–136; 154–156; 163–164; 196; 211; 240–241 (0, 7 п. л.)
3. Сюжетная структура романов Ф. М. Достоевского и пушкинское наследие / Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 1992. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 46069 от 10. 02. 92. 52 с. (1, 3 п. л.).
4. Типы финалов “Великого пятикнижия” Ф. М. Достоевского в связи с пушкинскими традициями // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 1993. № 1. С. 97–99. (0, 2 п. л.).
5. Достоевский и Пушкин: К вопросу о методологических принципах сопоставления // Художественный текст и культура: Тез. докл. на Всероссийской науч. конф. Владимир: Владимирский гос. пед. ин-т, 1993. С. 34–35. (0, 1 п. л.)
6. Два типа национальной ориентации у Достоевского и Пушкина (глава коллективной монографии) // Ф. М. Достоевский и национальная культура: Вып. 1 / Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 1994. С. 128–160. (1, 8 п. л.)
7. Оппозиция “наши” – “люди Востока” в повести А. С. Пушкина “Кирджали” // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: III междунар. науч. конф. 29 мая – 4 июня 1995 г.: Тез докл. Часть IV / Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 1995. С. 28–32 (0, 2 п. л.)
8. К вопросу о массовом восприятии феноменов искусства (как читают Пушкина сегодня) // Два века с Пушкиным: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 17–18 февраля 1999 г. Ч. 2. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. С. 183–185. (0, 1 п. л.)
9. Пушкин и Достоевский как народные герои (к вопросу о массовом восприятии личности и судьбы гения) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 1999. № 1. С. 84–90. (0, 5 п. л.)
10. К истории “пушкинского мифа”: обзор источников и некоторые итоги изучения массового восприятия творчества Пушкина в XIX – начале XX веков // Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте: Сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Изд-во РГГМУ, 1999. С. 44–48. (0, 5 п. л.)

11. Элементы сакральности пушкинского мифа // А. С. Пушкин и культура: Тезисы международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 100–102. (0, 2 п. л.).
12. Пушкин в нашей жизни: феномен массовой рецепции // Проблемы изучения литературы: Исторические, теоретические и методические подходы. Сб. науч. тр. Вып. 1. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 1999. С. 22–29. (0, 4 п. л.).
13. Национальный масштаб “редукции классики”: провинциальная модель рецепции “литературных вершин” // Русская провинция: миф – текст – реальность / Сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 101–106. (0, 4 п. л.).
14. Проблемы массового восприятия творчества Достоевского накануне XXI века // Достоевский и современность: Материалы XIV Международных Старорусских чтений 1999 года. Старая Русса: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник; Дом-музей Достоевского, 1999. С. 23–29. (0, 4 п. л.).
15. Пушкин и Восток (авторская позиция в повести “Кирджали”) // Проблемы изучения литературы: Историч., культурологич., теоретич. и методич. подходы: Сб. науч. тр. Вып. II. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2000. С. 51–70. (1 п. л.).
16. Классическая литература как часть массового сознания // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 2000. № 1. С. 96–108. (0, 8 п. л.).
17. Культовый потенциал Блока // Вестн. гуманитарной науки. РГГУ. М., 2000. № 50. (0, 6 п. л.).
18. По следам пушкинского юбилея: Пресса юбилейных дней // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 2000. № 2. С. 71–77 (0, 4 п. л.).
19. Формирование мемуарного корпуса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 2001. № 1. С. 49–59. (0, 6 п. л.).
20. Достоевский глазами соотечественников // Роман Ф. М. Достоевского “Идиот”: Современное состояние изучения: Сб. работ отеч. и заруб. ученых / Под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 508–539. (2, 0 п. л.).
21. Проблема функционирования русской классической литературы на рубеже XX–XXI веков // Литература в контексте современности: Тезисы Международной научно-практич. конференции. Челябинск: ЧГПУ, 2002. С. 133–135. (0, 1 п. л.).
22. Герменевтическая техника анализа классического текста: “Калмычке” А. С. Пушкина // Проблемы изучения литературы: Историч., культурологич., теоретич. и методич. подходы: Сб. науч. тр. Вып. III. Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2002. С. 5–12. (0, 4 п. л.).

Подписано в печать 27.03.2002.

Формат 60x84 1/16 . Бумага писчая. Заказ № .

Усл. печ. л. 2,0. Тираж 100.

Государственное унитарное предприятие
“Копейская типография”.

456600, Челябинская область, г. Копейск, ул. Ленина, 19.